

Рисковая деятельность носит ярко выраженную субъективную окраску, то есть является чисто человеческой формой деятельности. Это означает, что данный риск имеет ценность только в отношении к одному индивиду и теряет свою значимость для другого. Таким образом, утрачена не сама ценность риска, а желанность, его смысловые структуры.

Впрочем, если рискованная деятельность в молодежной среде проходит в более длительном цикле, то оправданность риска может сохраняться для человека всю жизнь, а для общества - на протяжении всей его истории. Так, подвиг во имя жизни, гуманизма, совершенный личностью, сохраняет свою рискованную ценность, несмотря на ушедшую эпоху, в которую был совершен, оставаясь примером и нападением потомкам⁵.

И нет сомнений в значимости этих деяний. Таким образом, риск всегда связан с конкретной социокультурной ситуацией и в новой ситуации может служить положительным примером.

Все это свидетельствует о противоречивом характере взаимосвязи двух сторон риска: субъективной, предполагающей ценностное отношение к нему, и объективной, нашедшей свое выражение в реальных жизненных условиях. Таким образом, увеличивается число молодых людей, в повседневную жизнь которых проникает риск, приобретая тотальный и перманентный характер, что усиливает процесс его воспроизводства. Он слабо контролируется и частично преодолевается, но в локализованных формах является одним из стимулов для

роста инновационного потенциала других существенных свойств молодежи.

Таким образом, источниками социальных рисков в молодежной среде являются факторы социально-экономической, политической и культурной трансформации российского общества, повлекшие за собой необратимые процессы, связанные с деидеологизацией, ценностной деформацией и социальной дифференциацией российского общества, поставившей в неравные условия представителей молодого поколения в зависимости от принадлежности к социальному слою, что и провоцирует социально-рискованную деятельность.

К. Манхейм писал: «Основная функция молодежи состоит в том, что она оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое необходимо, она приспосабливается к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам»⁶.

Можно предположить, что вступление общества в диалог с молодежью поможет в решении накопившихся проблем, так как молодежь обозначает новые формы социального взаимодействия, которые при этом должны строиться на уважении заслуг и опыта старшего поколения. В современных российских условиях только формирование единой идеологической концепции, основанной на культурно-исторических достижениях российского народа, идее гражданского патриотизма и культурной преемственности, способно объединить разные поколения и реанимировать систему межпоколенческих отношений и связей.

ПОЛИТИЗИРОВАННЫЕ И НАУЧНЫЕ ОЦЕНКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

С. А. Величко, и. о. заведующего кафедрой истории и философии Омского юридического института, кандидат исторических наук, доцент

«Демократизация», «демократический транзит» - одни из тех понятий, которые в последнее время особенно актуальны в связи с переходом к демократии большинства стран мира в последней четверти XX - начале XXI в. Интерес к феномену демократических процессов в обществе проявился еще во времена Сократа, Платона и Аристотеля,

но на современном этапе он особенно повысился. Однако употребляется термин «демократизация» в различных смыслах. Историки, правоведы, политологи, философы толкуют по-разному этот термин, высказывая зачастую противоположные точки зрения. И это объяснимо, так как история перехода к демократии российской общественно-поли-

⁵ См.: Зубок Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи. - М., 2003.

⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. - М., 1994. - С. 444.

тической системы представляет собой довольно противоречивый процесс и сложную проблему для исследователей. В данной статье под термином «демократизация» будут пониматься изменения в избирательной системе: введение свободных, соревновательных выборов законодательных органов власти, а также в полной мере осуществление гражданских и политических свобод – свободы слова, печати, собраний и организаций, в том числе и провозглашение многопартийности.

Особенности российского варианта демократизации определяются своеобразием многовекового общественно-политического развития России: отсутствием традиций демократического управления, сильной центральной властью с тенденцией к установлению формы правления самодержавного типа, подавлением государством всяческих народных стремлений к демократии, идеологическим диктатом. Глобальные процессы и явления отхода от авторитаризма и демократизации изучены в отечественной исторической литературе еще не в полной мере. Имеется явный разрыв между теоретико-методологическими и конкретно-историческими аспектами проблемы. Если демократизация как мировой глобальный процесс изучена довольно успешно, то конкретные случаи демократических преобразований – недостаточно.

События, произошедшие в СССР на рубеже 1980-1990-х гг., имели огромное историческое значение как для судеб бывших союзных республик, в первую очередь для России, так и для всего мира; но до сих пор в их оценке преобладали либо политизированные подходы, либо просто популизм. Популистский подход к процессам демократического транзита в России связан с тяжелым экономическим состоянием современного общества. Большинство российских граждан, ощутив на себе последствия «шоковой терапии», либерализации цен, падение уровня жизни, относятся к перестройке резко негативно. Кризисная компонента перестройки выходит на первый план, реформы М. С. Горбачева воспринимаются как время утраты завоеваний советского времени и катастрофического падения уровня жизни. Бывшие граждане СССР забывают тот факт, что сама перестройка была ини-

цирована как антикризисная программа. Однако кризисные явления конца 1970-х – начала 1980-х гг. тускнеют перед кризисными явлениями переходного периода 1990-х гг., в начале XXI в. появился феномен ностальгии по СССР. Все противоречия и трудности советского периода забываются, население тоскует по относительной социальной защищенности того времени, по стабильной жизни. Социологические опросы подтверждают это. В январе 2005 г. Аналитический центр Ю. Левады провел репрезентативный опрос 1600 россиян в 128 населенных пунктах 46 регионов страны. Ответы на вопрос «Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до начала перестройки?» распределились следующим образом: совершенно согласен, скорее согласен – 48 %; скорее не согласен, совершенно не согласен – 40 %; затрудняюсь ответить – 12 %¹. Таким образом, значительная часть россиян считает, что в СССР жизнь была лучше. В понятие «лучше» они вкладывают былую, как им кажется, уверенность в будущем, наличие, по их мнению, нравственных идеалов, утраченных за годы перестройки. Ностальгия по СССР является достоянием мифологизированного сознания, реакцией на трудности постперестроечного времени и не может адекватно отражать действительное положение вещей.

Политизированные оценки демократического транзита можно подразделить на две группы: критику событий второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. слева и апологетику этих же событий справа. Первый подход оценивает перестройку, начатую Горбачевым, как предательство, отход от коммунистических принципов. В коммунистических и националистических кругах широко распространены различные теории заговора, в которых перестройка представлена как заговор первых лиц государства и партии, попавших под влияние мирового империализма или ЦРУ США². Апологетика справа рассматривает весь период 70-летней советской истории как отход от цивилизационного развития и радостно приветствует переход к демократии³.

Теоретики как левой, так и правой ориентации в своих рассуждениях исходят из того, что в XX в. Рос-

¹ См.: Двадцать лет перестройке. Эволюция гуманитарного знания в России: материалы международного научно-образовательного форума 27-28 апреля 2005 г. – М., 2005. – С. 409.

² См.: Варенников В. И. Судьба и совесть. – М., 1993; Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. – М., 2001; Олейник Б. «Князь тьмы». Два года в Кремле. – М., 1993; Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. – М., 1992; Он же. Я из партии по имени «Россия». – М., 1995; Слободкин Ю. М. Кто разрушил СССР и распял Россию. – Л., 1995; Челноков М. Б. Россия без Союза, Россия без России. – М., 1994.

³ См.: Бри М. Михаил Горбачев – герой гуманистического демонтажа (попытка социально-исторического портрета) // Политические исследования. – 1995. – № 2; Косолапов Н. А. Что это было? (Размышления о перестройке в свете ее когнитивных итогов) // Общественные науки и современность. – 2005. – № 1. – С. 12; Кьеза Д. Переход к демократии. – М., 1993; Россия поднимается с колен. – М., 1992; Сорман Г. Выйти из социализма. – М., 1991; Сорос Дж. Советская система: к открытому обществу. – М., 1991; Харт Г. Россия потрясает мир: Вторая русская революция и ее воздействие на Запад. – М., 1992.

сия стала жертвой социальных экспериментов. Причем правые под ними понимают Октябрьскую революцию и попытку построения социализма в СССР, а левые – либеральные преобразования 1990-х гг. В обоих случаях подразумевается, что названные события прервали ход естественного развития России и навязали ей надуманные сценарии. И тот, и другой подходы излишне эмоциональны и стремятся умолчать некоторые из недавних событий, исказить их и даже фальсифицировать. В связи с этим встает задача при научном анализе данной проблемы отрешиться от крайностей как левых, так и правых, критически взвешивая их позиции, и дать объективную оценку событиям недавнего российского прошлого.

Научные оценки демократических преобразований в России можно разделить на три подхода: теория революции элит; теория модернизации; транзитология и теории демократической консолидации.

Многие исследователи политической истории России рубежа 1980-1990-х гг. опираются в своих выводах на теорию революции элит. Указанной теории придерживаются как историки, так и другие ученые-обществоведы: Т. П. Коржихина, О. Крыштановская, М. Ю. Малютин, В. Б. Пастухов, Д. Е. Фурман и др.⁴ Все эти авторы солидарны в том, что изменения общественно-политического строя России были обусловлены тем, что партийная и советская номенклатура, упрочившая свое положение в 1960-1980-е гг. и, по существу, являвшаяся фактическим собственником того, что юридически принадлежало общенародному государству, захотела юридически оформить свое положение. Именно поэтому Россия на рубеже 1980-1990-х гг. возвращается в лоно капитализма, а «новые русские» в своем подавляющем большинстве – те же люди, которые занимали высокие партийные, советские и хозяйственные посты в СССР. Д. Е. Фурман одним из первых отметил «странный характер нашей революции» – «сопротивление старой номенклатуры было поразительно вялым»⁵. Исходя из этого, он делает поразительный вывод, что в 1985-1991 гг. не было борьбы элит и, как следствие, сме-

ны правящей элиты. Состав правящей элиты до и после перестройки практически не изменился: «Практически не может идти речь о новой и старой элите. Элита у нас в целом, за исключением немногих отдельных «вкраплений», – прежняя, и все грандиозные символические и институциональные перемены произошли при минимальных изменениях в составе правящих кругов»⁶.

Об активности элиты в условиях переходного периода в России пишет М. Ю. Малютин: «Наиболее активные и сообразительные выходцы из старой номенклатуры первого-второго ранга поступили на «курсы переквалификации для «политиков» и «бизнесменов», начали работать и жить вопреки старым правилам игры, разрушая остатки существующей управленческой вертикали»⁷.

А. П. Бутенко отмечает, что, несмотря на кажущийся фасад перестройки, выступающей за равноправие, возвращение власти Советам, на самом деле имели место совсем иные процессы. «Под прикрытием разговоров о демократической реформе происходит приведение состояния, которое фактически имело место при «реальном социализме» – политическая власть и собственность узурпированы номенклатурой, – в юридически оформленное»⁸. После августовских событий 1991 г., считает автор, произошел перелом в проведении революции элит. Противоречие между фактическим и юридическим состоянием было уничтожено. Таким образом, сложилась ситуация, при которой «то, что раньше хотя бы юридически принадлежало народу, а фактически служило номенклатуре, теперь не только фактически, но и юридически принадлежит новой элите, соединяющей в себе часть прежней партийно-государственной бюрократии с новыми выдвиженцами («новые русские»)»⁹. С выводами А. П. Бутенко можно согласиться, но вызывает сомнения вывод о том, что перелом в революции элит произошел в августе 1991 г. Скорее всего, прав М. Ю. Малютин (и факты это подтверждают): «Массовый переход местной номенклатуры на сторону Ельцина начался, конечно, не в августе 1991 г., а летом 1990 г.»¹⁰.

⁴ См.: Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. – 1993. – № 7; Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1; Малютин М. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. – 1992. – № 2; Пастухов В. Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. – 1993. – № 2; Фурман Д. Е. Наша странная революция // Свободная мысль. – 1993. – № 1; Он же. Революционные циклы России // Свободная мысль. – 1994. – № 1; и др.

⁵ Фурман Д. Е. Наша странная революция // Свободная мысль. – 1993. – № 1. – С. 9.

⁶ Там же. – С. 10.

⁷ Малютин М. Указ. соч. – С. 37.

⁸ Бутенко А. П. О характере созданного в России общественного строя // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 98.

⁹ Там же. – С. 99.

¹⁰ Малютин М. Указ. соч. – С. 37.

В. Б. Пастухов наиболее глубоко анализирует причины революции элит. Он считает, что процесс трансформации российского общества начался еще в годы застоя. Уже в те годы должность рассматривалась как возможность пользоваться частью государственной собственности. «Относясь к должности как к частной собственности, - пишет автор, - советская элита опосредованно относится как к частной собственности и к той доле государственного имущества и благ, доступ к которым она получает благодаря служебному положению. Таким образом, в стране постепенно устанавливались опосредованно буржуазные отношения. <.> обуржуазившаяся номенклатура становилась номенклатурной буржуазией»¹¹. Последствия этих изменений проявились в эпоху перестройки, «чтобы стать «частным собственником», номенклатуре необходимо было уничтожить <.> «социалистическую» собственность»¹², что и было сделано. Однако все эти преобразования, как справедливо замечает В. Б. Пастухов, «были predetermined отнюдь не гуманистическими и демократическими воззрениями инициаторов и участников этого политического процесса, а экономическими интересами элиты, стремящейся юридически закрепить свои права»¹³.

Исследования сторонников теории революции элит вносят важный вклад в раскрытие, пожалуй, одной из главных причин смены общественно-политического строя России. Верность теории революции элит подтверждают данные сектора изучения элиты Института социологии РАН. Согласно им выходцы из старой советской номенклатуры составили более 75 % новой политической российской элиты и 61 % бизнес-элиты¹⁴. Но эта теория, которая кажется на первый взгляд столь наглядной и убедительной, не лишена недостатков. Она сводит всю перестройку к борьбе за власть «в верхах», не учитывая всего многообразия факторов, влияющих на развитие событий, в частности роли массовых общественных движений, нарастающего социально-экономического кризиса и других причин.

Теория модернизации оформилась во второй половине XX в. Ее создателями были известные западные социологи С. Липсет, Р. Бендикс и др. Большой вклад в развитие теории модернизации внес американский ученый С. Хантингтон¹⁵. Согласно теории модернизации в основе мирового истори-

ческого прогресса лежит процесс превращения всех традиционных обществ в общества современные (modern (англ.) - современный). В современных обществах господствуют высокие технологии, рыночные механизмы и политические демократические модели. В своих исследованиях сторонники данной теории подчеркивают, что процесс модернизации в мире идет неравномерно: волна модернизации сменяется откатом (переходом к авторитаризму), затем следует новая волна.

Волна демократизации - это группа переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период¹⁶. Первая волна демократизации имела место после Великой французской революции и войны английских колоний за независимость, а вторая - после Второй мировой войны (деколонизация стран третьего мира и демократизация бывших фашистских или милитаристских государств).

С точки зрения большинства ученых, изучающих политические процессы второй половины XX в., третья волна демократизации во всем мире начинается с государственного переворота в столице Португалии Лиссабоне 25 апреля 1974 г., когда была свергнута военная диктатура Марселу Каэтано. Переворот 25 апреля стал началом мирового движения к демократии, в последующую четверть века более 30 стран начали движение от авторитаризма к демократии. В конце 1980-х гг. модернизация началась в СССР и странах Восточной Европы. Основной чертой этого перехода стало распространение основной процедуры демократии - соревновательных выборов с заранее неизвестным результатом¹⁷.

Последовательным сторонником теории модернизации является В. В. Согрин, известный российский ученый, профессор МГИМО, первым выпустивший учебник по истории современной России, который пережил уже два издания¹⁸. Российская модернизация, по В. В. Согрину, также прошла несколько этапов:

I. петровские реформы, так называемая протомодернизация, т. е. западная цивилизация сама была еще в начале модернизационных преобразований;

¹¹ Пастухов В. Б. Указ. соч. - С. 50-51.

¹² Там же. - С. 51.

¹³ Там же.

¹⁴ Крыштановская О. Указ. соч.

¹⁵ См.: Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. - М., 2003.

¹⁶ Там же. - С. 26.

¹⁷ Там же. - С. 27-34.

¹⁸ См.: Согрин В. В. Политическая история современной России: 1985-2001. От Горбачева до Путина. - М., 2001.

2. екатерининские реформы, большей частью намерения;

3. реформы Александра II 60-70-х гг. XIX в.;

4. деятельность С. Ю. Витте и П. А. Столыпина;

5. преобразования И. В. Сталина, здесь модернизация под вопросом, т. к. в основе сталинской индустриализации лежала антизападная общественно-политическая основа;

6. второй опыт советской модернизации «сверху» во времена Н. С. Хрущева;

7. реформы М. С. Горбачева и посткоммунистическая модернизация¹⁹.

Причем реформы М. С. Горбачева, с точки зрения В. В. Согрина, можно разделить на два этапа. Первоначально (1985-1987 гг.) осуществлялась классическая модель советской модернизации «сверху». Но уже в 1987 г. М. С. Горбачев, обнаружив ее банкротство, выходит за рамки советского варианта модернизации, обращается за помощью к демократии и рынку, а народу бросает клич: «Поддержите снизу!» На втором этапе деятельности (1987-1991 гг.) М. С. Горбачев попытался сделать то, чего до него не делал никто в СССР, - соединить социализм с демократией и рынком. Но такого объединения не выдержала советская система - введение демократии и отказ от имперской политики сделали распад СССР рано или поздно неизбежным²⁰.

Таким образом, радикальное обновление социально-политических ориентиров российского общества на рубеже 1980-1990 гг., «вестернизация» этих ориентиров, по мнению автора, представляется закономерным этапом российской модернизации. В своих исследованиях²¹ В. В. Согрин сумел отойти от современных политизированных оценок нашей недавней истории, дать убедительную периодизацию современного переходного периода. В то же время он ставит такой острый вопрос: насколько совместима модернизация с сохранением национальных основ вступающих на

ее путь цивилизаций? Ведь известно, что не все западные образцы прижились или могут прижиться в России.

Коренное отличие транзитологии и теории демократической консолидации от теории модернизации заключается в том, что демократический транзит, или переход к демократии, рассматривается не как единый эволюционный процесс, а как набор альтернативных путей. Впервые термин «транзит» для характеристики трансформационных процессов был предложен Д. Растоу, Г. О. Доннелом, Ф. Шмиттером. Демократический транзит с их точки зрения имеет три этапа:

1. либерализация;

2. формирование или восстановление гражданского общества;

3. проведение справедливых выборов с неизвестным заранее результатом²².

Не во всех странах мира, перешедших к демократии в последней четверти XX в., демократический транзит был успешен сразу, так случилось и с Россией, где всегда были сильны традиции сильной власти. Поэтому, чтобы успешно завершить в России период перехода демократии и не допустить возвращения к авторитаризму, необходимо завершить процессы консолидации демократии. Процессы консолидации демократии представляют собой упрочение, укоренение демократических традиций в обществе, которое переживает демократический транзит. Для периода консолидации демократии характерно разочарование приобретенной свободой и даже цинизм. Успех демократической консолидации зависит от того, будут ли способны политики и рядовые граждане сотрудничать и конкурировать между собой свободным образом на основе приемлемого для всех набора правил. Теория демократического транзита сейчас становится популярной среди российских исследователей. Ярким примером этому являются статьи А. С. Мадатова и Я. А. Пляйса²³.

¹⁹ См.: Согрин В. В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // *Общественные науки и современность*. - 1998. - № 4. - С. 129; Он же. Уроки российской истории и современные реформы // *Вопросы философии*. - 2002. - № II.

²⁰ См.: Согрин В. В. Уроки российской истории и современные реформы // *Вопросы философии*. - 2002. - № II. - С. 17-19.

²¹ См.: Согрин В. В. Интеллигенция и реформы // *Общественные науки и современность*. - 1993. - № I; Он же. Конфликт и консенсус в российской политике // *Общественные науки и современность*. - 1996. - № I; Он же. Михаил Горбачев: личность и история // *Общественные науки и современность*. - 1992. - № 3; Он же. Политическая история современной России: 1985-1994. От Горбачева до Ельцина. - М., 1994; Он же. 1985-1995: Реалии и утопии новой России // *Отечественная история*. - 1995. - № 2; и др.

²² См.: Карл Т. Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис*. - 2004. - № 4. - С. 6-27.

²³ См.: Мадатов А. С. Перестройка в контексте демократического транзита // *Двадцать лет перестройке. Эволюция гуманитарного знания в России: материалы международного научно-образовательного форума 27-28 апреля 2005 г.* - М., 2005. - С. 159-175; Пляйс Я. А. К вопросу о трансформации партийных и политических систем (попытка теоретического осмысления опыта перестройки в СССР) // http://www.transpress.ru/articles/0510/02_01.shtml.

При исследовании современной истории России следует учитывать сильные стороны вышеизложенных подходов. Теория революции элит вскрывает одну из причин начала перестройки, объясняет, почему состав современной российской элиты в основном остался прежним, показывает процесс формирования российской буржуазии («новые русские»). Теория модернизации считает перестройку закономерным этапом всемирно-исторического процесса перехода от традиционных обществ к современным. Транзитологический подход предполагает многовариантность дальнейшего историческо-

го развития. Таким образом, перед учеными, изучающими историю России конца XX в., стоит задача всестороннего изучения современных политических процессов, исследования всей совокупности факторов, влияющих на развитие событий. Универсальную теорию, объясняющую историю, создать практически невозможно. Времена моноказуальности, когда ученые искали одну причину, объясняющую исторические события, уходят в прошлое. Наступают времена, когда в науке господствует поликазуальный подход, учитывающий все многообразие причинных факторов.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В РАЗЛИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ

Т. А. Ладыкина, доцент кафедры истории и философии Омского юридического института, кандидат философских наук

Философское исследование телесности является обязательным элементом научной работы над проблемой человека. Новейшие достижения науки и техники, новый образ жизненного пространства информационного общества изменяют социальные отношения производства, потребления и коммуникации, остро ставят проблемы духовных ценностей и развития телесной организации человека. Изменения в культуре, связанные с коммерческим и потребительским отношением к человеческому телу, развитие высокотехнологичной научной медицины и генетики порождают сложные философские, правовые и нравственные вопросы о статусе человеческого тела. Сущность, существование и самоидентификация человека в философии все чаще начинают рассматриваться через призму человеческого тела. Кроме того, изменения в отношениях между полами, критика подчиненного положения женщины в обществе способствуют повышению интереса к социокультурным аспектам человеческой телесности. Многочисленные эмпирические исследования тела в психологии, социальной психофизиологии, разработка различных телесных техник для решения психотерапевтических задач способствуют увеличению внимания к человеческой телесности как социально-философской проблеме.

Тело является первым пространством человека и природной основой его становления. Следует проводить различие между понятиями тела

и телесности. Понятие телесности отлично от понятия тела и не сводимо к нему. Телесность является интеграцией сознательного и бессознательного опыта человека, совокупностью духовных и материальных качеств человеческого тела, интегральной характеристикой экзистенциального опыта человека, сплавом природных, социальных и культурных качеств человеческого тела, интеграцией взаимодействия внутреннего и внешнего пространств человека, овладевшим в ходе социализации различными языками тела. Телесность человека является многомерной, креативной, целостной системой и представлена взаимодействием сознания, духа и тела.

В современной социальной философии осознается невозможность рассмотрения человеческого тела в отрыве от его духовности, сознания, мышления, памяти. В философии закрепляются категории внешнего и внутреннего бытия человека, достигается осознание человеческой телесности как ценности.

Отметим, исходным жизненным пространством человека является его тело. Познание этого пространства и овладение им в онтогенезе, а также культурно- и социогенезе определяет познание и овладение человеком внешним миром и его диалогичность со всеми другими жизненными пространствами. Диалектика внутреннего и внешнего в телесности человека раскрывается во взаимодействии: а) внешних природных (географических, климатических,